

Параджанов С.

18/III 88

КОММУНИСТ
г. Ереван
18 MAR 1988

«ВСЯ ЖИЗНЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ТВОРЧЕСТВОМ»

Три часа с Сергеем Параджановым

Не так уж часто удается взять интервью у всемирно известного кинорежиссера Сергея Параджанова, творчество которого вызывает самые противоречивые мнения. У мастера, чьи фильмы удостоены нескольких десятков престижных международных наград, мастера, многие ленты которого стали событием мирового кинематографа...

Ранним утром корреспонденты с блокнотами, диктофоном и заготовленными вопросами уже сидели в номере гостиницы, собираясь услышать от Параджанова исчерпывающие ответы. Но с самой первой минуты все пошло иначе — Сергей Иосифович искусно завладел инициативой, повел себя так, как это умеют делать на съемочной площадке только мастера своего дела — создал атмосферу полного подчинения участника встречи творческой воле режиссера, диктату постановщика. Но, как мы вскоре почувствовали и убедились, он этим нас не подавляет. Напротив — каждое слово, жест, движение Параджанова помогали нам «раскрепоститься», отбросить привычные стереотипы поведения.

— Что вы сказали бы о сегодняшнем положении в мировом кино, и советском, в частности!

— Не берусь обобщать, так как мне неизвестно, что сейчас делают самые талантливые зарубежные постановщики — Феллини, Бергман и другие. Скажу лишь, что в Европе идет волна так называемого «мещанского» кино — это когда режиссеры делают попытки говорить средствами кино о тупике, в который зашла буржуазия. Это нужно, конечно, но мне кажется, что надо смотреть дальше, работать на будущее. Еще есть декоративное, социально неуглубленное кино — примером возьму фильм «Амадеус» о Моцарте. Красиво, богато, местами изящно, но — нет глубины понимания роли творца в обществе. А вот «И корабль плывет» Феллини — это великая трагедия. Мне не понятны мнения о том, что в этой картине замечательный режиссер якобы повторяет самого себя, не ищет новых путей. Для меня этот фильм, как и предыдущие его работы, представляется еще одним откровением большого художника, предупреждающего нас об опасности рав-

нодушия друг к другу, о горестях и радостях любви, да и мало ли еще о чем...

В советском кино, на мой взгляд, есть какая-то разноголосица, какая-то растерянность, что ли. Где-то есть настоящее кино, на каких-то студиях его нет. Возможно, это действует нелегкое испытание временем, ведь деятелям кино тоже приходится сейчас проходить через трудный, болезненный для киноорганизма процесс перестройки, переоценки и самих себя, и своей работы. Но я надеюсь, даже уверен, что лучшие от этого только выиграют. Пример тому — Тенгиз Абуладзе с его «Покаянием». Это политический памфлет на самой патетической ноте, это высокохудожественная вещь, охватывающая и далекое, и недалекое прошлое, и, думаю, бесстрашно смотрящая в будущее. Этот фильм — гражданский подвиг режиссера. Я остановился на этом фильме, потому что хорошо знаю все то, что вынес на суд современников его автор. Когда я буду снимать в Армении картину «Исповедь», в ней, видимо, я тоже попытаюсь показать пережитое мною в те страшные годы.

— Какой вам представляется ситуация в армянском кино!

— В Армении есть отличные мастера — Артур Пелешян, создавший совершенно особый киноязык, матерый, в хорошем смысле этого слова, Фрунзе Довлатян — я с удовольствием посмотрел его «Одинокую орешину». Есть ищущий Баграт Оганесян, работающий на материале произведений прозаика Гранта Матевосяна. А вот молодые... не вижу в них пока смелости, умения броситься в бой безоглядно. Но это придет со временем, с жизненным опытом. В целом же ощущаю в армянском кино какую-то разрозненность авторов, отсутствие солидарности. Вот эта солидарность есть у их грузинских коллег, которых я, живя в Тбилиси, имею возможность непосредственно наблюдать.

— Что вы думаете о собственных фильмах? И о том, что киноведы употребляют термин «параджановское» кино!

— Мне всю жизнь «везло» в том смысле, что не удавалось сохранять фильмы в том виде, в каком я хотел показать их зрителям. Особенно это касается полнометражных лент — «Теней забытых предков», «Цвета граната», возможно, и «Легенда о Сурамской крепости». Почему-то чиновники от искусства часто счи-

тают, что им лучше известно, что можно, а что нельзя представить зрителю. И все же я рассчитываю на ретроспективный показ моих фильмов в том виде, в каком я их делал. Время сейчас такое.

А выражение «параджановское» кино... что же, если кому-то нравится так называть мою работу...

— Какие международные призы особенно дороги вам!

— Не хочу выделять. Скажу только, что больше всего призов у «Теней забытых предков» — кажется, двадцать восемь. «Цвет граната» имеет несколько меньше, ну, а «Легенда о Сурамской крепости» еще молода — у нее нет и десяти призов.

— Какое место занимают в вашей жизни другие виды искусства и литература? Мы знаем, что вы связаны с театрами, пишете прозу, а ваши работы в сфере изобразительного искусства мы увидели в Ереване.

— Пусть о моих работах с выставки рассуждают искусствоведы, если им захочется. Я никогда не делал эти вещи для экспозиций, я их просто сочиняю, потому что это, если хотите, мой образ жизни, моя боль и радость. Все эти коллажи, куклы, рисунки и остальное — мой гемоглобин, моя кардиограмма, что ли... Что касается театра, так это тоже

зрелищное искусство, как и кино, и поэтому оно меня привлекает.

Теперь два слова о литературе. Сценарии я писал всегда, даже когда не снимал фильмов. Ну, а за прожитую жизнь — мне уже 63 года — скопилось также интересные наблюдения для небольших прозаических вещей, записи размышлений о месте и роли художника-творца в обществе, воспоминания о самых разных людях — знаменитых и малоизвестных. Многие из этих записей станут, думаю, основой фильма «Исповедь», о котором я уже упоминал.

— Что вы уважаете и цените в людях прежде всего!

— Прежде всего честность в человеке, и то же самое — в художнике. И искреннюю, непоказную любовь к своему Отечеству, к родному дому.

— Последний вопрос: каковы ваши дальнейшие планы и мечты!

— Предполагается постановка на студии «Арменфильм» совместно с зарубежными кинофирмами ленты «Ара Прекрасный». Давно мечтаю поставить «Давида Сасунского», но хватит ли оставшейся жизни!

Г. МЕЛКУМЯН,
Г. ГАЛУСЯН,
корр. Арменпресс.